

А. И. Буча. Начальный этап «Русской Акции» Чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии/ Буча. А.И. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.80–86.

А. И. БУЧА

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП «РУССКОЙ АКЦИИ» ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (1921—1923 гг.)

События Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны вынудили огромное количество (цифры варьируются от 1 до 3 млн чел.) бывших граждан Российской империи покинуть родные места. Часть беженцев направилась на восток — в Маньчжурию и Китай, но основная масса последовала на запад — во Францию, Германию, США, Прибалтику, Финляндию, Королевство СХС, Болгарию, Чехословакию. Для большинства стран, которые переживали социально-экономические последствия Первой мировой войны, беженцы становились дополнительным фактором дестабилизации внутреннего положения. Довольно благоприятные условия для существования эмигрантов из России были созданы в Королевстве СХС, Болгарии, Франции, Германии и особенно — в Чехословакии, правительство которой заняло особую позицию по отношению к «русским» беженцам, решая ее в соответствии со своими внешнеполитическими приоритетами.

Беженцы из бывшей Российской империи начали появляться в Чехословацкой республике (ЧСР) в 1919 г. Это были интернированные военнослужащие, выходцы из Западной Украины, а также из европейской части России и из Прибалтики. Вместе с чехословацкими легионерами в 1920—1921 гг. прибыли эмигранты из Сибири и Дальнего Востока [7, с. 17]. Точно число эмигрантов в ЧСР определить трудно. Согласно данным различных источников, в 1920—1930-е гг. количество «русских» беженцев составляло от 10 тыс. до 40 тыс. чел. Сравнивая численность «русской» колонии в ЧСР с другими странами, можно прийти к выводу, что она не была столь уж велика, и ЧСР занимала лишь 11-е место в списке 20 стран, принимавших эмигрантов из бывшей Российской империи [18, с. 125].

«Русская акция»: идеология и цели. В чехословацкой политике существовало два подхода к «русскому вопросу». Представляли их лидеры чехословацкой политической сцены, первые руководители молодого государства — президент Т. Г. Масарик и премьер-министр К. Крамарж. Последний был продолжателем русофильской линии чешской политики, которая ожидала от славянской России поддержки стремлений к эмансипации со стороны чешского, а при случае — также и словацкого народа. Эту позицию К. Крамарж перенес и на чехословацкое государство, гарантии эмансипации которого видел исключительно в политическом единстве с заветной славянской Россией. К. Крамарж решение «русского вопроса» видел в крупномасштабной интервенции против Советской России с участием как чехословацких военнослужащих, так и русских пленных, находившихся в европейских странах [19, с. 24].

Т. Г. Масарик полагал, что роль гарантов молодого чехословацкого государства будут играть западные державы. Он отвергал радикальные планы К. Крамаржа и являлся проводником политики невмешательства во внутренние дела Советской России, которая стала официальной государственной политикой ЧСР на протяжении всего межвоенного периода. Единственно возможным путем возрождения Российского государства первому президенту ЧСР представлялось приспособление большевиков к западной политике. Роль Чехословакии, по мнению Масарика, должна заключаться в подготовке российской интеллигенции к будущей систематической работе на родине, когда там начнется период реконструкции [20, с. 29—30].

Буча Андрей Иванович — аспирант кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета

Именно взгляды Т. Г. Масарика легли в основу государственной программы помощи эмигрантам, получившей название «Русская акция». Он подчеркивал, что Чехословакия считает своим моральным долгом «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» в эмигрантской среде [19, с. 25]. Постоянное декларирование аполитичности акции было продиктовано внутривнутриполитической ситуацией в стране. У официальной политики Праги по отношению к «русской» эмиграции были противники в лагере левых сил. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные выступления депутатов-коммунистов в парламенте с осуждением правительственной поддержки «антисоветских элементов» [5, с. 40].

«Русская акция» отличалась ясной ориентацией. Она была направлена, во-первых, на поддержку демократических сил в среде эмиграции. Особенно благоприятными в Чехословакии были условия для эмигрантов-эсеров, движение которых считалось правительственными кругами ЧСР наиболее перспективным. Во-вторых, акция была нацелена на поддержку академической, учебной, педагогической и исследовательской деятельности. Не случайно в то время говорилось о «русском Оксфорде» в Праге. В-третьих, акция была многонациональной — наряду с русской эмиграцией поддерживалась и эмиграция украинская, казачья, белорусская, кавказская. В-четвертых, данная программа помощи была социально однородной. Она не ориентировалась на аристократию или предпринимательские круги, а опиралась преимущественно на интеллигенцию и сельский элемент [6, с. 9].

Среди мотивов, обусловивших начало акции, назывались уважение к русской культуре и благодарность России за поддержку, полученную во время войны. Тем не менее важную роль сыграло убеждение, что гуманитарная помощь может оказаться выгодным помещением политического капитала. Не случайно на первых порах «русская акция» в документах правительства называлась программой по установлению экономических и культурных связей с Россией и Украиной [20, с. 32]. Не последними были соображения престижа. Масарик полагал, что «русская акция» сделает Чехословакию ведущим славянским центром в Европе.

Не следует отбрасывать как полностью бесосновательную и еще одну причину, обусловившую проведение «русской акции». Среди эмигрантов циркулировали слухи о том, что данная акция финансируется за счет русского золота, якобы украденного чехами в России. Вот что пишет в своих воспоминаниях один из российских эмигрантов, профессор М. М. Алексеев: «...Это золото стало фондом для создания в Праге Легиобанка. Бенеш, сам бывший легионер и большой русофил, и президент Масарик считали, будучи людьми в высшей степени порядочными и честными, своей моральной обязанностью по отношению к россиянам каким-либо образом оплатить свой российский долг» [5, с. 46].

Осуществление «русской акции» (1921—1923 гг.). 24 июня 1921 г. группа членов Национального собрания ЧСР во главе с А. Гайном и К. Крамаржем обратилась к правительству с запросом, в котором содержалось предложение об оказании помощи беженцам [17, с. 425]. 28 июля 1921 г. постановлением Кабинета министров Министерству иностранных дел (МИД) были поручены организация и проведение «русской акции». Подготовленный проект плана помощи был передан Кабинету министров в ноябре 1921 г. Шефом «русской акции» стал уполномоченный представитель министра иностранных дел Э. Бенеша В. Гирса. Парламентскую комиссию, которая контролировала осуществление программы, возглавил один из лидеров парламентской фракции национал-демократической партии А. Гайн [17, с. 430; 20, с. 32].

Первоначально «русская акция» развивалась в двух направлениях. Первое концентрировалось на оказании помощи голодающим в самой России, второе — на решении проблемы беженцев, находящихся в Чехословакии. В основу второго направления были положены следующие принципы: военные формирования бывшей Российской империи не допускаются на территорию ЧСР; эмигранты должны оставить политическую деятельность; помощь должна оказываться на основе единой государственной программы; акция должна создать условия для нахождения эмигрантами средств к существованию [20, с. 32—33].

С января 1922 г. в Советскую Россию и Украину было отправлено шесть транспортов с лекарствами и продуктами. Помощь большей частью адресовалась чехословацким колонистам в этих странах, на поддержку которых было выделено около 10 млн крон. В целом на помощь голодающим было потрачено 13 млн крон. В середине 1922 г. деятельность иностранных благотворительных миссий в России была запрещена советскими властями. С этого времени под «русской акцией» подразумевались лишь мероприятия по поддержке «русских» эмигрантов на территории Чехословакии [20, с. 31].

В соответствии с планом «русской акции» в конце 1921 г. Чехословакия приняла около 4 тыс. казаков. Кроме того, в константинопольских лагерях были набраны около 1 тыс. недоучившихся студентов [20, с. 33]. Начиная с февраля 1922 г. массовый перевоз «русских» беженцев в Чехословакию был прекращен, и МИД давались лишь индивидуальные разрешения на въезд отдельным лицам, в первую очередь студентам. По данным М. Раева, в начале 1922 г. в Чехословакии находилось 5—6 тыс. «русских» беженцев [23, с. 188]. В конце 1923 г. только стипендиями чехословацкого правительства пользовалось 4737 чел. [15, с. 40]. Приведенные данные говорят о значительном увеличении численного состава «русских» беженцев в Чехословакии в период с 1921 по 1923 г., что связано с весьма благоприятными условиями, созданными усилиями правительства этой страны. Значительная часть эмигрантов прибывала в страну нелегально. Именно поэтому МИД ЧСР издал распоряжение об

обязательной регистрации эмигрантов-нелегалов в течение 10 дней и выдаче удостоверений приехавшим в республику до 1 октября 1923 г. Те, кто прибыл позднее без визы, согласно тому же распоряжению, должны были покинуть страну [18, с. 125].

Основная масса беженцев обосновалась в Праге и ее окрестностях. Колонии выходцев из России образовались также в Брно, Братиславе, Пльзене, Ужгороде и ряде других городов. «Русские» беженцы были разделены на две категории: 1) не подлежащие трудоустройству дети, больные и инвалиды, которые передавались на попечительство Красного Креста; 2) способные к трудоустройству беженцы (учащиеся и интеллигенция, с одной стороны, и занимающиеся физическим трудом, с другой) [15, с. 18]. Для руководства второй категорией беженцев при поддержке чехословацкого правительства был создан целый ряд беженских организаций самого различного характера. Кроме того, существовало и разделение по национальному признаку, проводимое в Чехословакии, по отношению к эмиграции. Отдельно были организованы русская и украинская группы эмиграции. В соответствии с национальным разделением осуществлялась и правительственная помощь. В 1921—1923 гг. на финансирование «русской акции» было выделено около 126 млн крон [19, с. 36]. Деньги выдавались эмигрантским организациям для использования их на цели, которые данная организация перед собой поставила. Русская группа беженцев получала больше финансовых дотаций, что было связано с ее количественным превосходством (примерно 70 % всех эмигрантов).

В области общего попечения о беженцах главную роль играли две организации: Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Земгор) и Украинский громадский комитет (УГК). В области помощи студенчеству также были созданы две параллельные организации: «Комитет по обеспечению образования русских студентов» и «Чешско-украинский комитет по оказанию помощи украинским и белорусским студентам» (ЧУК). Кроме этого, были основаны русские и украинские учреждения образования (начальные, средние и высшие), дублирующие учреждения в области трудовой и медицинско-санитарной помощи (бюро труда, ремесленные мастерские, амбулатории, санатории), различные профессиональные организации. Некоторые организации являлись не чисто беженскими, а смешанными — русско-чешскими и украинско-чешскими [15, с. 18—19].

Особенности формирования белорусской диаспоры в Чехословакии. Белорусы, как и представители других национальностей, эмигрировавших из Российской империи, получали всестороннюю поддержку от чехословацкого правительства, организованную в рамках проведе-

ния «русской акции». Однако процессы формирования, количественные и качественные характеристики белорусской диаспоры отличались от аналогичных показателей наиболее значительных русской и украинской эмиграций, действовавших на территории ЧСР.

Среди бывших военнопленных русской армии, которые находились в Чехословакии в 1919—1921 гг., были и белорусы. Судить о точном их количестве в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия сведений в архивах Беларуси (необходимо обращение к данным чешских архивов). Тем не менее о присутствии наших земляков в ЧСР говорит тот факт, что 9 июня 1919 г. на должность представителя Белорусской Народной Республики (БНР) по делам военнопленных в ЧСР был назначен Н. Вершинин [1, с. 610]. Однако нахождение белорусских военнопленных в ЧСР было временным. Для того чтобы остаться на продолжительный срок, необходимо было получить статус эмигранта, который МИД ЧСР предоставлял лишь в исключительных случаях. Только со второй половины 1921 г. можно говорить о формировании белорусской диаспоры в Чехословакии. С этого времени начался целенаправленный приезд белорусов как стипендиатов чехословацкого правительства на учебу в ЧСР.

На протяжении 1921—1923 гг. около 100 белорусских студентов приехали в ЧСР по стипендиям, которые выделялись через чешско-украинские общественные организации (ЧУК и УГК) [13, с. 113—114]. Неизвестны точные данные о белорусах, которые в эти годы обучались по стипендиям, предоставленным русским общественным организациям (Земгор и «Комитет по обеспечению образования русских студентов»). По сведениям белорусской эсерки П. Бодуновой, «около 400 белорусских студентов учились на русские стипендии и числились при Земгоре» [2, с. 1493]. Всего на стипендии чехословацкого правительства в январе 1924 г. обучалось 4373 чел. Наибольшее количество белорусов приехали в ЧСР в 1921—1923 гг.

Студенты в общей массе белорусской диаспоры в Чехословакии составляли более 90 %. Это было главным отличием белорусской диаспоры от русской, украинской, грузинской, у которых роль и количество представителей старшего поколения была намного большей. Социальный состав в значительной степени обуславливал специфику общественно-политических процессов, протекавших в среде белорусов в ЧСР. Лишь в конце 1923 г. белорусская колония в ЧСР пополнилась влиятельной

частью белорусских политических деятелей, которые представляли правительство БНР и переехали в Прагу на постоянное местожительство.

Большая часть белорусов, обучающихся в ЧСР в 1921—1923 гг., были зарегистрированы при Земгоре. Они являлись студентами бывших университетов царской России и приехали в ЧСР для завершения образования. Эта группа не отличалась развитым белорусским самосознанием. Данную категорию студентов белорусский исследователь В. Ляховский назвал «космополитами». Им были противопоставлены студенты-«народники» (меньшая часть белорусских студентов), которые сыграли определяющую роль в организационном оформлении диаспоры в ЧСР в 1921—1923 гг. [9, с. 21—22].

Студенты-«народники» приезжали на учебу по стипендиям, которые были специально предоставлены чехословацким правительством белорусам. Это были студенты (в основном выходцы из крестьян в возрасте от 18 до 21 года, проявившие себя в белорусском национальном движении) из Западной Беларуси, Литвы и Латвии, которые отправлялись на учебу в соответствии с рекомендациями Товарищества белорусской школы в Вильно, Белорусского отдела Министерства образования Латвии, Белорусского представительства БНР в Ковно [9, с. 22]. Следует отметить, что на учебу посылались наиболее способные юноши и девушки с активной гражданской позицией и желанием в будущем реализовать полученное образование с пользой для родного края.

В Чехословакии белорусы учились как в чешских высших учебных заведениях (Карлов университет, Пражская высшая политехническая школа), так и в украинских (Высшая сельскохозяйственная академия в Подебрадах, Высший педагогический институт в Праге). Бе-

лорусские студенты отдавали предпочтение техническим и медицинским специальностям. Однако наибольших научных результатов достигли в гуманитарных предметах. Основным центром сосредоточения белорусской диаспоры — Прага и ее окрестности.

Организации белорусов в Чехословакии (1921—1923 гг.). Еще осенью 1919 г. в соответствии с решением Рады Министров БНР Н. Вершинин был назначен представителем БНР в ЧСР. Он должен был наладить постоянные контакты с чехословацким правительством, добиться официального признания БНР со стороны ЧСР, информировать чехословацкое общество о политическом и культурном положении Беларуси [10, с. 497]. 1 февраля 1920 г. Вершинин назначается официальным представителем БНР в ЧСР с правами консула. С этого времени он стал получать жалованье от правительства БНР [1, с. 641]. Следует отметить, что чехословацкие власти поддерживали с Вершининым контакты как с частным лицом. Только после создания Белорусской громады в Праге он стал выступать перед чехословацкими властями в качестве представителя данной организации, то есть от имени организованного белорусского населения Чехословакии.

Белорусская громада была создана в декабре 1920 г. в Праге по инициативе Н. Вершинина (неизменный ее председатель) [10, с. 499]. Эта организация являлась аполитичной и объединяла белорусов, проживающих в Чехословакии. Реальная деятельность Белорусской громады в Праге началась лишь осенью 1921 г., когда в Чехословакию начали прибывать первые белорусские студенты. Работа Белорусской громады, которая фактически являлась белорусским землячеством, заключалась в следующем: 1) содействие приезду белорусов на учебу в ЧСР (переписка с белорусскими организациями в Вильне, Ковне, Риге по поводу отбора претендентов на стипендии, составление списков студентов и их утверждение в МИД ЧСР, содействие в получении виз); 2) организация белорусской диаспоры в ЧСР (учет белорусов, координация деятельности различных организаций, проведение мероприятий); 3) сотрудничество с чешскими властями и украинскими организациями (получение финансовых субсидий на реализацию различных проектов, проведение совместных акций).

При Белорусской громаде в Праге действовала и Студенческая секция, созданная осенью 1921 г. [16, с. 3]. На заседаниях Студенческой секции выбирались представители в ЧУК (из его фондов белорусы получали стипендии и одноразовые денежные субсидии), Студенческий дом (общественно-культурный клуб, объединяющий студенчество Праги). Принятые решения должны были исполняться всеми студентами, зарегистрированными в секции. При выборе кандидата на стипендию решающим фактором, кроме голоса председателя Белорусской громады в Праге, было также мнение руководителя президиума Студенческой секции. Неудивительно, что борьба за лидерство в ней на протяжении 1921—1923 гг. была жесткой. Студенческая секция при Белорусской громаде в Праге являлась в некотором смысле ареной столкновения интересов политически неоднородной белорусской студенческой массы.

Первыми организовались в Праге приверженцы левосоциалистической и коммунистической идеологии, создав 22 февраля 1922 г. Белорусский студенческий кружок им. Ф. Ско-рины [13, л. 13]. Лидерами этого объединения были П. Цветков, И. Дворчанин и К. Бобрович. В конце 1921 — начале 1922 г. именно представители этой организации занимали лидирующие позиции в Студенческой секции при Белорусской громаде в Праге.

В оппозиции к Белорусскому студенческому кружку им. Ф. Скорины находился Белорусский крестьянский союз в Праге, который объединял приверженцев белорусских центристских организаций и партий, действовавших в Западной Беларуси. Данная организация была создана осенью 1922 г. по инициативе Я. Станкевича. В руководство Белорусского крестьянского союза в Праге входили Я. Гениуш, И. Ермаченко, А. Климович, В. Лавский [8, с. 340]. 27 февраля 1923 г. по инициативе союза была создана патриотическо-спортивная организация белорусских студентов — «Белорусский сокол» во главе с И. Ермаченко. Целью организации было духовное и физическое воспитание белорусской молодежи [3, с. 23].

В середине 1922 г. приверженцы Белорусского крестьянского союза заняли руководящие посты в президиуме Студенческой секции при Белорусской громаде в Праге. Осенью 1922 г. произошла перегруппировка сил. Во время перевыборов председателем секции был избран Т. Гриб [4, с. 16]. Данный факт свидетельствовал об усилении позиций студентов с левыми взглядами. Благодаря поддержке Н. Вершинина, а также продуктивной работе, проведенной среди белорусского студенчества, Белорусский крестьянский союз в Праге во время внеочередных выборов, состоявшихся в марте 1923 г., вновь провел своих кандидатов в руководство Студенческой секции [3, с. 23]. После этих событий студенты, приверженцы левых взглядов, вышли из Студенческой секции и создали отдельную организацию — Объединение белорусского поступового студенчества (ОБПС).

ОБПС не было малолитной структурой. В ее состав входили преимущественно эсеры, однако сильные позиции были и у марксистов. В руководстве организации находились И. Дворчанин, В. Гришкевич, Т. Гриб, В. Русак, В. Жилка [8, с. 340]. ОБПС активно участвовало в работе Белорусской громады в Праге. Во время выборов руководства громады в мае 1923 г. Объединение вошло на паритетной основе с представителями Белорусского крестьянского союза в Праге в состав ее президиума [4, с. 15]. Данный факт говорил о равных позициях представителей с левыми и правыми взглядами в среде белорусской диаспоры в ЧСР.

Противоборство различных организаций в диаспоре в ЧСР негативно влияло на многие начинания белорусов. В 1921—1923 гг. так и не были реализованы вполне осуществимые проекты: Белорусский учительский институт и белорусское издательство в Праге.

Выводы. Проведение «русской акции» чехословацким правительством создало благоприятные условия для формирования белорусской диаспоры в Чехословакии. В период 1921—1923 гг. произошло организационное оформление белорусов в Чехословакии. Наряду с земляческой организацией — Белорусской громадой в Праге — был создан целый ряд общественных организаций различной политической окраски (Белорусский студенческий кружок им. Ф. Скорины, Белорусский крестьянский союз в Праге, Объединение белорусского по-ступового студенчества), между которыми наблюдалось идеологическое противостояние. В значительной степени социальный состав диаспоры (преимущественно студенчество) опосредовал данную ситуацию. К тому же дополнительным дестабилизирующим фактором явилось столкновение интересов различных групп белорусского национального движения (А. Цви-кевича, В. Ластовского, А. Луцкевича) в борьбе за руководство белорусской средой в Чехословакии. Центробежные тенденции, которые доминировали в белорусской диаспоре в Чехословакии, отрицательно повлияли на продуктивность работы различных организаций и оптимальное использование возможностей, предоставленных чехословацким правительством на начальном этапе осуществления «русской акции» в 1921—1923 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт., камент., пер., паказ. С. Шупы. Нью-Ёрк; Вільня; Менск; Прага : Бел. ін-т навукі і мастацтва, Тав-ва бел. пісьмен-ства, «Наша Ніва», 1998. Т. 1. Кн. 1. 850 с.
2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт., камент., пер., паказ. С. Шупы. Нью-Ёрк; Вільня; Менск; Прага : Бел. ін-т навукі і мастацтва, Тав-ва бел. пісьмен-ства, «Наша Ніва», 1998. Т. 1. Кн. 2. 1721 с.
3. Беларускі студэнт. Прага. 1923. № 2—3.
4. Беларускі студэнт. Прага. 1923. № 4—5.
5. *Вгднянський, С. С.* Політика чехословацького уряду щодо української еміграції в міжвоєнний період / С. С. Вгднянський // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Вип. 3: Міжвідомчий збірник наукових праць / Відп. ред. С. В. Вгднянський. Кшв : Ін-т історії України НАН України, 1993. С. 36—56.

6. Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918—1945 / авторы: Т. Аникина [и др.]; редакторы: М. Добушева, В. Крымова. Прага : RT + RS servis, 2008. 511 с.
7. *Кишкин, Л. С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920-е — 1930-е гг.) / Л. С. Киш-кин // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17—27.

8. *Ляхоўскі, У.* Беларускія студэнцкія арганізацыі ў Чэхіі / У. Ляхоўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1993—2003. Т. 6. Кн. 2. 2003. С. 340—341.
9. *Ляхоўскі, У.* Грамадска-культурная чынная беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі ў 1921 — 1938 гг. / У. Ляхоўскі // Грамадска-культурная чынная беларускай і расійскай эміграцыі ў Чэхаславакіі. 1921 — 1938 гг.: каталог. Мінск : НАРБ, 2002. С. 21—31.
10. *Ляхоўскі, У.* Чэхія і беларускі вызвольны рух у першай трэці XX ст. / У. Ляхоўскі // *Białoruś w XX stolecu. W kręgu kultury i polityki* / pod red. D. Michaluk. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007. S. 491—522.
11. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 325 (Рада Народных Министров БНР). Оп. 1. Д. 131 — Переписка с полномочным представителем БНР в Чехословакии о его деятельности, 1920—1923 гг.
12. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 200 — Отношение Дипломатического представительства БНР в Литве к Дипломатическому представительству БНР в Чехословакии, 1922—1923 гг.
13. НАРБ. Ф. 883 (Товарищество белорусской школы). Оп. 1. Д. 18 — Заявления членов товарищества об их приеме на учебу, направлении на учебу в Пражский университет, 1922 г.
14. *Мірачыцкі, Л.* Беларуская інтэлігенцыя на эміграцыі і чэшская нацыянальнае адраджэнне / Л. Мірачыцкі // Беларусіка. Кн. 5: Культура беларускага замежжа; Беларуско-амерыканскія гістарычна-культурныя ўзаемадачынненні. Мінск : Навука і тэхніка, 1995. С. 110—117.
15. *Руднев, В. В.* Русское дело в Чехословацкой республике / В. В. Руднев. Париж : Росс. земско-городск. комитет помощи российским гражданам за границей, 1924. 128 с.
16. Савецкая Беларусь. 1923. № 141.
17. *Серапионова, Е. П.* Карел Крамарж и Россия, 1890—1937 гг.: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е. П. Серапионова. М. : Наука, 2006. 510 с.
18. *Серапионова, Е. П.* Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы / Е. П. Серапионова // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 124—133.
19. *Сладек, З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии / З. Сладек // Славяноведение. 1991. № 6. С. 24—36.
20. *Сладек, З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» / З. Сладек // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28—38.
21. Т. Г. Масарик и «русская акция» чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика: по материалам междунар. науч. конф. / отв. ред. М. Г. Вандалковская. М. : Русский путь, 2005. 256 с.
22. *Чмарова, М. І.* Шляхі ўзаемага пазнання. Беларуская літаратура ў Чэхаславакіі ў 1920—1945 гг. Магілёў : МДУ, 2004. 299 с.
23. *Raeff, M.* Russia abroad: A cultural history of the Russian emigration, 1919—1939 / Marc Raeff. New York : Oxford University Press, 1990. 231 p.

SUMMARY

The article is devoted to the investigation of a unique program of the Czechoslovak government — «russian action», as well as to the study of the belarusian diaspora in Czechoslovakia, of which formation was made largely through the implementation of this action. The article examines the role of the leaders of the young Czechoslovak state T. G. Masaryk and K. Kramaf in the conduction of the «russian action». Much attention is given to the ideology and objectives of this action, its content in the period of 1921—1923. The author also defines the main features of the process of formation of the belarusian diaspora in Czechoslovakia, which distinguished it from the russian and ukrainian diasporas. Moreover the author presents a description of organizations, which were created by belarusians in this slavic country in 1921 — 1923, and provides the thorough analysis of their ideological confrontation in the studying period.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2009 г